

УДК 81

МЕСТО И РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИЯЗЫЧНОМ ДИСКУРС-ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

© Л. Л. Аюпова, Э. А. Салихова*

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Тел.: +7 (987) 490 81 25.
Email: iv1334@yandex.ru*

*Уфимский государственный авиационный технический университет
Россия, Республика Башкортостан, 450077 г. Уфа, ул. К. Маркса, 12.*

*Тел.: +7 (917) 757 33 48.
Email: salelah12@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению терминологического обозначения «дискурс-пространства», применения данной категории к языковой ситуации Республики Башкортостан (РБ), а также описанию в данном контексте особенностей использования русского языка как государственного и межнационального средства общения би- и трилингвальных индивидов. Показана специфика регионального варианта русского языка. По данным последней переписи населения описаны статистические показатели представленности языков в республике, сферы их функционирования и востребованности. Обозначаются перспективы исследований в заявленном направлении.

Ключевые слова: *билингвизм/ двуязычие, демолингвистические переменные, дискурс-пространство, полиязычный дискурс, языковая компетенция, языковая ситуация.*

Заявленную тему считаем целесообразным рассматривать в категориях широкого толкования дискурса: в рамках поставленного вопроса он представляется как сложная система сосуществования дискурсивных личностей и определенных дискурсов, объединенных по каким-либо заданным параметрам. Мы понимаем дискурс как процесс речемыслительной деятельности, результатом которого является текст. «Социально-дискурсивное» объединение людей (в культуре, в общественной жизни и пр.) создает дискурсивное пространство, конституируемое как дискурсивный мир [1, с. 155].

Часто встречаемый термин «дискурсивное пространство» трактуется в научных работах как в лингвистическом, так и в неллингвистическом смысле. Это связано, скорее всего, с многозначностью термина «дискурс» и его активным использованием в различных областях гуманитарного знания (лингвистике, социо- и психолингвистике, теории коммуникации, философии, психологии, социологии, литературоведении и других), предмет которых предполагает изучение функционирования языка.

Понятие «пространство», с философской точки зрения являющееся базовой категорией бытия, не может восприниматься с помощью органов чувств, потому осмысливается через метафоры. Эволюция представлений о «пространстве» начиналась от мифопоэтической архаичной модели мира, где «пространство» не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, но образуется ими [2]. Математическое его описание основывается на логически мыслимой форме (или структуре), служащей средой, в которой осуществляются иные формы и конструкции. Физика сформировала представление о «едином про-

странственно-временном континууме, в котором (со)существуют различные вещи, процессы и явления» [2].

Мы полагаем, что в зависимости от целей и задач исследования можно выделить различные виды пространства. Категория пространства присутствует и в филологических исследованиях: она рассматривается в связи с художественной моделью мира, представленной в тексте (художественное пространство), как процесс речемыслительной деятельности, результатом которого является текст (психолингвистическое пространство), как среда концептуализации и мышления (ментальное пространство), как среда сосуществования дискурсивных личностей и объединенных по каким-либо параметрам дискурсов (социопсихолингвистическое пространство) и как часть концептосферы, выраженной языковыми знаками, т.е. семантическое пространство (или языковая картина мира).

В современной научной мысли «пространство» получает фрактальную характеристику как геометризованное, однородное, непрерывное, бесконечно делимое и равное самому себе в каждой части. Это свойство пространства является также одним из принципов формирования языкового, коммуникативного и дискурсивного пространства и связано с языком. Социолингвистическое описание его существования среди других дискурсов в аспекте их взаимодействия – задача предпринятого исследования. Важным является то, что полиязычное дискурс-пространство в Республике Башкортостан позволяет изучить их в динамическом ракурсе – как многомерную структуру, проявляющуюся в социолингвистическом измерении.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН–2010), в РБ насчитывается 1.43 млн. русских (36.1%), 1.17 млн. башкир (29.5%), 1.0 млн. татар (25.4%) и других национальностей. При этом русским языком владеет 98.4% населения: 96.5% башкир и 98.3% татар думают или свободно говорят на нем, около трети из них владеют им лучше, чем родным языком [3, с. 34]. Демографическая мощь русского языка (96%) преобладает над демографической мощью татарского и башкирского языков. Высокие показатели у славянского и тюркского компонентов, значительна доля у финно-угорского компонента [3]. Коммуникативная мощь языков различна. Так, в образовательной сфере как компоненте языковой ситуации наблюдаются следующие тенденции. Если в 1990/91 учебном году в школах республики обучение было организовано на 7 языках [4, с. 104–130], то в 2016/17 г. – на 16 (на 6 из них – русском, башкирском, татарском, марийском, чувашском, удмуртском – организовано обучение, а на 8 – мордовском, немецком, украинском, белорусском, еврейском, латышском, польском, армянском – изучение языков как предметов; на 2 – английском, французском, (немецком) и др. европейских и восточных языках – углубленно изучающих предметы (не менее одного), в т.ч. по профилю обучения (по данным Башкортостанстата [5, с. 48–49]).

Всего школ с обучением на родном языке и его изучением как предмета насчитывается: на башкирском языке 1763, татарском – 962, марийском – 198, чувашском – 124, удмуртском – 38, мордовском – 14 и т.д. [5]. В сфере массовой коммуникации используются русский, башкирский, татарский, а также марийский, удмуртский, чувашский языки (республиканские и районные газеты, радио- и телепередачи и др.).

Содержание демографических процессов в РБ определяет динамические процессы в пределах рассматриваемого измерения (дискурс-пространства), а также этнокультурного развития и межэтнического взаимодействия трех этносов – башкир, татар и русских, представляющих доминанту национального состава республики. Башкирский и татарский языки полифункциональны, т.е. используются в многообразных коммуникативных системах и в разных социальных сферах. Таким образом, порождаются гетерогенное и гомогенное типы двуязычия. При этом возникает вопрос о характере русского языка, который в отдельных своих вариантах в речевой практике билингвов отклоняется от общерусского языкового стандарта. Наблюдается «своеобразие не только русской речи русского населения, но и русской речи нерусских жителей при высокой степени владения РЯз последними» [6; 7, с. 166–167]. Предполагается нечто третье, порожденное этими двумя типами билингвизма и характерное только для жителей РБ, в частности, горожан Уфы – «новый народ-

ный разговорный язык тюркоязычных жителей Уфы» [6, с. 110–111], компактно проживающих и активно общающихся в разных сферах жизнедеятельности и представляющих в совокупности лингвистически неоднородную, гетерогенную (диалектную/ ди-, триглоссную) этнокультурную группу. Особенности функционирования русского языка в РБ свидетельствуют о его вариативности в зависимости от степени распространения, национального состава пользующихся им носителей языков, их социально-психологических, этно-, лингвокультурных характеристик [8, с. 530]. Введенный в теоретический аппарат региональной социолингвистики условный термин для обозначения этого феномена – «БашТаРус» (по первым слогам и буквам распространенных в городе языков, составляющих тюркский компонент национально-русского двуязычия), – представляет социопсихолингвистическую часть полиязычного дискурс-пространства, в поле изучения которого вовлекаются сложные коммуникационные объекты: устная речь (в т.ч. разговорная речь, городское просторечие и его виды – молодежный жаргон, корпоративные языки, полудиалект, глоссемы регионального характера, в т.ч. онимы (тюркского происхождения и пр.), письменные тексты (наименования городских объектов, торговые вывески, внешняя реклама, граффити как часть уличного искусства, уличные объявления и пр.) [9, с. 167–168]. Занимая промежуточное положение по структурно-функциональным характеристикам между койне, лингва франка и общенациональным литературным (русским) языком, БашТаРус являет собой региональный вариант русского языка используемый тюркоговорящими в качестве средства повседневнообщения с широким диапазоном коммуникативных сфер между носителями разных языков и [10, с. 185–186].

В Республике Башкортостан, как и во многих других полиэтнических регионах РФ, при национально-русском типе билингвизма отмечается сдвиг в сторону русского языка. В подобных случаях для итоговых ситуаций характерна не интерференция как таковая, а ее стабилизовавшиеся последствия, выступающие в форме субстрата: отличная от норматива фонетическая структура базовых языков, лексико-грамматические особенности и т.п. Представляется, что в полиязычном дискурс-пространстве РБ результатом процесса контактов является ситуация Яз1+Яз2+Яз3, т.е. параллельное стабильное владение двумя/ тремя системами как в языковом, так и в культурном плане. Именно к процессам, ведущим к такой ситуации, применимым представляется понятие «аккультурации», как отличное от ассимиляции и обозначающее появление новой локальной лингвокультуры, без сколько-нибудь существенного ущерба для старых, «взаимопроникновение, своеобразное «вхождение» многочисленных языковых и лингвокультурных средств и явлений одних культур в другие» [8, с. 193]. Разумеется, если

одна общность является одновременным носителем в более или менее сравнимой степени двух/ трех языков, то между последними не может не возникнуть хотя бы ограниченных взаимовлияний, как правило, обоюдных, практически всегда неравновеликих. Многое здесь будет зависеть от индивидуальных факторов, но в языковой интерференции при двуязычии они играют не меньшую роль. В подобной ситуации сосуществующие языковые системы обслуживают, обуславливают и институционализируют социальное поведение на разных уровнях и в разных дискурсах [11, с. 115].

Социолингвистический подход к изучению внешних (субстратных) и внутренних (языковых, речевых) факторов вербального проявления языкового взаимодействия позволяет всесторонне представить результаты контактов различных социалем на уровне языка, на уровне того средства общения (лингвемы) билингов и диглоссов, которые присущи данному конкретному социуму, и определить социально детерминированные связи языка и общества в многоязычном дискурс-пространстве – демографические, образовательные, профессиональные, религиозные и т.п. Благоприятным материалом в этом отношении являются различного рода заимствования, экзотизмы, вкрапления, отмеченные в речи билингов и диглоссов, а также различного рода интерференции и трансференции, связанные с проявлением адстратных особенностей двуязычия и мультилингвизма на территории Башкортостана.

Демолингвистические переменные вносят порою существенные изменения в полиязычное дискурсивное пространство. Прежде всего, это относится к такому компоненту, как социальная-функциональная иерархия языков в различных сферах дискурса (политическом, научном, культурном). В работах по данной проблематике представлялась картина языкового состояния, лишь немногие исследователи имели в виду развитие, функционирование языка в разных сферах его применения, т.е. исследование его в развитии, а не констатацию только как факта (хотя последнее тоже важно).

Языковая компетенция вместе с понятием «ценностные ориентации» относится к числу субъективных факторов, определяющих состояние полиязычного дискурс-пространства в определенный период. Как известно, соотношение объективного и субъективного порождает ту диалектику, тот механизм воздействия на языковые процессы (ситуацию), которые на определенном этапе языкового развития создают специфику, своеобразие языковой / речевой жизни социума в том или ином регионе. В языковом развитии Республики Башкортостан четко прослеживаются оба этих фактора. К числу объективных, относятся следующие показатели: 1) как нами отмечалось выше, собственную языковую среду имеют тринадцать этносов, т.е. они расселены компактно и их языки обладают определенной

социальной и коммуникативной базой; 2) большую культурно-просветительскую работу ведут созданные в постсоветский период национальные общественные центры; 3) тип расселения национальных языков – сельский или городской – относится к числу важнейших факторов языкового развития [12, с. 16–17]. Последний показатель применительно к нашей республике выглядит следующим образом: в качестве родного языка выбрали язык своего народа 78.1% сельских башкир и намного меньше городских – 53.5%. Та же картина наблюдается и среди татар – родным назвали татарский язык около 70% сельчан и 55% горожан. Несколько иная картина наблюдается у русских: здесь, наоборот, жители села больше подвержены влиянию башкирского и татарского языков – среди русских выбор русского языка как родного на селе несколько ниже, чем в городе (87.7 и 94% соответственно) [13, с. 63]. Иными словами, представители нерусских национальностей (башкиры и татары), проживающие на селе, намного сильнее связаны с языком своего этноса и гораздо меньше ориентированы на выбор русского языка или двух языков одновременно в качестве родных.

Влияние образовательного уровня на выбор того или иного языка в качестве родного проявляется в том, что среди тюркоязычных носителей языков – в частности, башкир и татар – респонденты, выбравшие родным «этнический» язык, меньше всего представлены среди лиц с высшим образованием. Среди этих респондентов относительно высокая доля «двуязычных» индивидов. Число лиц, выбравших язык своего народа как родной, среди башкир и татар с разным уровнем образования представлен относительно одинаково: 59 и 69% среди городских башкир и татар, 75 и 70% – среди сельских соответственно [13, с. 64]. При этом среди них более 90% родились в моноэтнических браках. В то же время, как свидетельствует статистика, среди респондентов, родившихся в моноэтнических браках, есть определенная доля, которая выбирает в качестве родного другие языки. Так, среди башкир, выбравших родным русский язык, каждый второй родился в моноэтническом браке; один из родителей является русским у каждого третьего из них. Среди татар, выбравших родным русский язык, более 40% рождены в татарских браках и несколько больше – в русско-татарских [13].

Полагаем, что межэтнические браки становятся определенным фактором для формирования двойной этноязыковой идентичности, но в то же время и в моноэтнических браках, под влиянием других факторов (в первую очередь, это проявляется в городах) может формироваться двойная языковая идентичность. Такие положения являются не только дополнительной составляющей в характеристике исследуемых нами компонентов полиязычного дискурс-пространства РБ, но и логическим продолжением высказанных нами ранее суждений относи-

тельно специфики языковой ситуации республики в целом (см., например [4; 6–8; 10; 12; 14–18]).

Основной закономерностью развития национально-языковых отношений в республике как важной компоненты изучаемого объекта является совершенствование билингвизма и трилингвизма, которые, будучи отличительными чертами современного Башкортостана, стали едва ли не нормами языковой действительности. Ведущим на протяжении многих лет, как утверждалось, выступал национально-русский тип двуязычия, который с позиций сегодняшнего дня и происходящих этнополитических событий в стране можно оценивать по-разному. С одной стороны, овладение нерусским населением русским языком, ставшим по объективным социально-историческим причинам языком межнационального общения, приобщило коренное население республики не только к культуре, искусству, образованию, науке страны, но и к мировой цивилизации. С другой стороны, непаритетный характер этого билингвизма привел к сужению сфер функционирования башкирского и других этнических языков республики, а также к снижению уровня владения языком.

В настоящее время, особенно за последнее пятилетие, происходит изменение содержания башкирско-русского двуязычия в сторону расширения социальных функций башкирского языка. Этому способствуют, прежде всего, такие доминантные сферы языкового применения, как обучение и воспитание. Иллюстрацией сказанного служат регулярно проводимые уроки башкирского языка по телевидению Башкортостана, введение башкирского языка в школах с русским языком обучения, открытие башкирских групп в дошкольных заведениях, преподавание башкирского языка на гуманитарных факультетах вузов республики, активное функционирование факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета и т.п. Словом, предпринимается попытка создать условия для функционирования двустороннего билингвизма. Однако для достижения полноценного билингвизма необходима последовательность в билингвистическом образовании, воспитании, культуре, а также продуманная система мер языкового строительства, учитывающая социолингвистические условия республики.

На последнюю треть XX в. приходится третья миграционная «волна» башкир из сел и деревень в города республики. К этому времени в общих чертах сформировалась социально-профессиональная структура башкирского городского населения. Сельская «подпитка» определила ее специфику: в составе городских башкир преобладает гуманитарная интеллигенция при малочисленности инженерно-технической. Мигранты принесли в городскую среду репродуктивное поведение, характерное для сельской местности: установки на ранние браки и многодетность. Последнее десятилетие стало вре-

менем появления в общественной жизни башкир – представителей второго поколения горожан, чье формирование происходило уже в городе. Эта генерация городских башкир владеет родным языком меньшей степени, хуже информирована о башкирской национальной культуре, но, тем не менее, обладает этническим самосознанием, ощущая свою принадлежность к башкирскому народу.

Последствия урбанизации для башкирского этноса носят двойственный характер. С одной стороны, башкиры были вовлечены в глобальный научно-технический прогресс, получили возможность развиваться в информационно-технологическом пространстве, воспринимать все новое и прогрессивное. В то же время культурологам, историкам и лингвистам еще предстоит оценить, насколько позитивными оказались последствия этого процесса и каковы они по характеру с точки зрения сохранения социально-психологического равновесия этноса и его культуры [4; 10; 14].

К числу субъективных факторов, влияющих (порой существенно) на языковое развитие республики, относятся языковая компетенция и ценностные ориентации представителей отдельных этносов. Наиболее явственно эти параметры проявляются в вопросах огосударствления языка, в кадровой политике, межнациональных отношениях, а также обучения второму (неродному/ межнациональному) языку. Приходится с сожалением констатировать невысокий уровень языковой компетенции тех представителей национальных движений, которые, не умея прогнозировать этнолингвистическую ситуацию, недостаточно четко ориентируясь в социолингвистических условиях республики, не понимая содержания языкового права личности, представляют как единственно верное каждый свое решение вопроса о дополнениях в «Закон о языках Башкортостана» и его содержательных коррективах, о чем было сказано в [6–7; 12–13], посвященном такой составной части языковой ситуации, как «государственный язык».

Еще на заре перестройки известный писатель Ю. Рытхэу сказал: «Никто, конечно, не требует от людей некоренной национальности, приехавших работать на тот же Север, досконального знания местного языка и обычаев. Но сама жизненная потребность, логика, просто порядочность диктует уважительное отношение к местному образу жизни. Знание языка – важное проявление такого уважительного отношения» [6, с. 68]. Продолжением этой мысли может служить неоченимая роль С. Т. Аксакова, Н. А. Крашенинникова, Ф. Д. Нефедова, С. П. Злобина, Г. И. Успенского, В. И. Даля и многих других, написавших прекрасные произведения о Башкирии с использованием знания языка, обычаев, истории этого края. Очевидно, стоит напоминать современному поколению о возрождении уважительного отношения к автохтонному населе-

нию со стороны одноязычного русского и русскоязычного населения республики [6, с. 69–70].

Влияние субъективных факторов на кадровую политику РБ есть зеркальное отражение политики Федерального центра. «В центральных органах исполнительной власти, – пишет философ, специалист в области национальных отношений Константин Хабибуллин из Санкт-Петербурга, – как не было, так нет и теперь ни татарина, ни башкира, ни удмурта, ни карела, ни осетина» [6, с. 69].

В то же время как бы ответной реакцией суверенных республик является «коренизация» в области кадровой политики. К сказанному можно добавить следующее: «Если где и ощущается нехватка национальных кадров, то это в сфере промышленности. Воспроизводство национального отряда рабочего класса – башкир по интенсивности стоит на 5–6-м местах после других народов республики» [6].

Порой субъективные факторы существенно влияют на ценностные ориентации, в т.ч. и языковые. И это вполне закономерно, учитывая активизирующиеся глобализационные процессы, обуславливающие формирование информационно-языковой культуры башкортостанского социума. Основным поставщиком информации на сегодняшний день, бесспорно, являются средства массовой коммуникации, которые имплицитно (зачастую и эксплицитно) дают оценку существующей действительности, воздействуя на сознание потребителя (адресата). Язык публичной вербальной коммуникации чутко реагирует на изменение в обществе, наглядно отражает тенденции в развитии языковой ситуации, которые являются существенными для анализа этнической ситуации в целом. Анализ публикаций СМИ с 2000–2017 гг. [17] показывает резкую переоценку ориентации в плане взаимодействия языков: от признания этого явления как объективного и прогрессивного процесса до изоляции языка автохтонов с целью сохранения его «чистоты». Отмечаются явления неопопуризма, нередко сопровождающегося процессом возврата к арабско-персидской терминологии. Последнему обстоятельству в немалой степени способствовала издаваемая с мая 1993 по февраль 2003 г. ежедневная международная независимая газета «Zaman (Заман) – Башкортостан», учредителем которой являлось частное турецкое АО «FEZA» («Космос»). На страницах газеты освещалась жизнь тюркских народов, основы и нравственные ценности ислама; пропагандировались идеи сотрудничества, взаимопомощи, толерантности. В Уфе транслировались радиопередачи на турецком и арабском языках. Все это направлено на культурно-языковую ориентацию прежде всего тюркоязычного населения Башкортостана, которое вместе взятое (15 тюркоязычных этносов живет в РБ) составляет больше половины населения республики. Если к сказанному добавить информацию об увеличившемся в конце 1990-х и начале «нулевых» годов количестве турецко-

башкирских гимназий и лицеев, то в таких сферах полиязычного дискурс-пространства, как образование, воспитание, массовая информация, турецкий след довольно заметен, но не в такой степени, как в республиках Средней Азии и Казахстане. Более того, подтверждаются наши предположения о том, что турецкое языковое присутствие в Башкортостане «... носит характер временной социолингвистической переменной», хотя бы потому, что турецкий язык, равно как и арабский, не занял и вряд ли займет надлежащее место в сфере науки и техники Башкортостана, а также высшего и естественно-технического образования мощных двигателей человеческого прогресса [6, с. 68–69]. В этих сферах «более перспективной представляется ориентация на международные языки науки и техники, имеющие развитые терминологические и стилистические системы» [6]. Турецкий, как известно, к такому пока не относится. К тому же в самой Турции принципиально иные идеологические и политические установки национально-языковой политики. Достаточно сказать, что согласно ст. 66 Конституции Турецкой Республики «каждый ее гражданин независимо от национальности считается турком, хотя значительную часть населения Турции составляют представители различных национальностей – курды, арабы, грузины, дагестанские народы и пр. Единственным официальным языком признается турецкий язык. Сказанное напоминает высказывание Р. Абдулатипова со ссылкой на журнал «Литературная Грузия», приведенное М. Н. Губогло: «В Грузии негрузинского ничего не должно быть. Негрузин – тоже грузин, он должен говорить, писать и читать по-грузински, должен воспитываться на грузинской литературе, должен быть сочувствующим грузинскому духу и, наконец, не должен считаться гражданином Грузии, если всего этого нет у него». Как видно из приведенного высказывания, подобный этнолингвизм в самом что ни на есть открытом виде построен на императивности – «должен, должен ...» [6, с. 70]. Подобная переориентация, связанная с борьбой против «русификации» и «советизации», наблюдается и в других регионах языкового пространства бывшего СССР – Эстонии («эстонизация»), Молдавии («румынизация»), Азербайджане («туркизация») и др.

В республиках РФ ценностные ориентации несколько иные, поэтому не следует слепо копировать зарубежный опыт языкового и культурного развития и переоценивать их возможности. Напротив, модель языкового применения, например, Башкортостана более демократична, чем в странах дальнего и ближнего зарубежья.

Таким образом, по мере накопления социолингвистических фактов, изучения полиязычного дискурс-пространства РБ и его основополагающих компонентов, языковой действительности республики в целом, функционирования в ней русского языка в статусе государственного, официального и

межнационального наряду с башкирским государственным и официальными языками других компактно проживающих в республике этносов подобные настоящему исследованию полиязычия будут свидетельствовать о сложном взаимодействии того, что составляет изучаемое концептуальное поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // *Magister Dixit* – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. Иркутск, 2011. №2(06). С. 153–159.
2. Лушникова Г. И., Медведева Е. В. Дискурсивное пространство фэнтэзи (на мат-ле произведений А. Нортон) // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. №6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=11573>
3. Национальный состав населения Республик Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: статистический бюллетень. Уфа, 2012. 54 с.
4. Искужина Н. Г. Языковая ситуация в районах Зауралья Республики Башкортостан: социолингвистический аспект. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 216 с.
5. Образование и культура в Республике Башкортостан: статистич. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2017. 120 с.
6. Аюпова Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа, 2000. 156 с.
7. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. К проблемам изучения языковой ситуации РБ // *Система языка: синхрония и диахрония*. Уфа, 2009. С. 165–169.
8. Салихова Э. А. Специфика языковых контактов в лингвоэтническом пространстве Республики Башкортостан // *Социальная политика и социология*. 2010. №8(62). С. 529–532.
9. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. От жуаля до Баштаруса // *Вестник Башкирского государственного университета*, 2017. Т. 22. №1. С. 164–169.
10. Искужина Н. Г., Салихова Э. А. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. №3. С. 181–186.
11. Салихова Э. А. «Человек говорящий» vs социум в контексте полилингвизма // *Язык и социальная динамика*. 2012. №12-1. С. 111–118.
12. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. Роль языковой компетенции и ценностных ориентаций индивида при описании языковой ситуации // *Вестник ВЭГУ: Научный журнал*. №29/ 30. Филология. Уфа: Восточный университет, 2007. С. 14–23.
13. Государственная программа «Возрождение и развитие башкирского народа». Уфа, 1996. 88 с.
14. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. М.: Институт социологии РАН, 2012. 124 с.
15. Искужина Н. Г., Салихова Э. А. Параметры варьирования русского языка в условиях городского билингвизма // *В мире научных открытий*. 2013. №5.1(41). С. 134–154.
16. Искужина Н. Г., Салихова Э. А. Формирование этнической идентичности: возможности в профилактике деструктивной этнорегиональной маргинальности // *Вестник ВЭГУ*. 2014. №2(70). С. 133–138.
17. Салихова Э. А. Двужычие и триязычие как социопсихолингвистические факторы лингвокультурной интеграции этносов Башкортостана // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2015. №1(62). С. 52–56.
18. Салихова Э. А., Искужина Н. Г. Тема этноязыковой ситуации в информационном поле Башкортостана в 2000–2016 гг. (на примере анализа печатных СМИ) // *Вестник ВЭГУ: Научный журнал*. №5(91). Уфа: Восточный университет, 2017. С. 68–77.

Поступила в редакцию 17.09.2018 г.

**THE PLACE AND ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE
IN THE MULTILINGUAL DISCOURSE SPACE
OF THE REPUBLIC BASHKORTOSTAN**

© L. L. Ayupova¹, E. A. Salikhova^{2*}

¹*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

²*Ufa State Aviation Technical University
12 Karl Marx Street, 450077 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (917) 757 33 48.

**Email: salelah12@yandex.ru*

The article is devoted to the consideration of the terminological designation of “discourse space”, application of this category to the linguistic situation of the Republic of Bashkortostan, as well as the description in this context of the peculiarities of the use of the Russian language as the state and international means of communication of bi- and trilingual individuals. The specificity of the regional variant of the Russian language is shown. The spheres of functioning of the language were described according to the data of the last population census and statistical indicators of the representation of languages in the Republic. The authors outline perspectives of research in the stated direction.

Keywords: bilingualism, demolinguistics variables, discourse space, multilingual discourse, linguistic competence, linguistic situation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Plotnikova S. N. *Magister Dixit – nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri*. Irkut-sk, 2011. No. 2(06). Pp. 153–159.
2. Lushnikova G. I., Medvedeva E. V. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013. No. 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=11573>
3. *Natsional'nyi sostav naseleniya Respublik Bashkortostan po dannym Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g.: statisticheskii byulleten'* [National composition of the population of the Republic of Bashkortostan according to the data of the All-Russian population census 2010: statistical bulletin]. Ufa, 2012.
4. Iskuzhina N. G. *Yazykovaya situatsiya v raionakh Zaural'ya Respubliki Bashkortostan: sotsiolingvisticheskii aspekt* [Linguistic situation in the areas of Zauralye of the Republic of Bashkortostan: sociolinguistic aspect]. Ufa: RITs BashGU, 2008.
5. *Obrazovanie i kul'tura v Respublike Bashkortostan: statistich. sb.* [Education and culture in the Republic of Bashkortostan: collection of statistical data]. Ufa: Bashkortostanstat, 2017.
6. Ayupova L. L. *Yazykovaya situatsiya: sotsiolingvisticheskii aspekt* [Linguistic situation: sociolinguistic aspect]. Ufa, 2000.
7. Ayupova L. L., Salikhova E. A. *Sistema yazyka: sinkhroniya i diakhroniya*. Ufa, 2009. Pp. 165–169.
8. Salikhova E. A. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2010. No. 8(62). Pp. 529–532.
9. Ayupova L. L., Salikhova E. A. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017. Vol. 22. No. 1. Pp. 164–169.
10. Iskuzhina N. G., Salikhova E. A. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. No. 3. Pp. 181–186.
11. Salikhova E. A. *Yazyk i sotsial'naya dinamika*. 2012. No. 12-1. Pp. 111–118.
12. Ayupova L. L., Salikhova E. A. *Vestnik VEGU: Nauchnyi zhurnal*. No. 29/30. *Filologiya*. Ufa: Vostochnyi universitet, 2007. Pp. 14–23.
13. *Gosudarstvennaya programma «Vozrozhdenie i razvitie bashkirskogo naroda»* [State program “Revival and development of the Bashkir nation”]. Ufa, 1996.
14. *Sotsiologicheskii otvet na «natsional'nyi vopros»: primer Respubliki Bashkortostan* [Sociological answer to the “national question”: the example of the Republic of Bashkortostan]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2012.
15. Iskuzhina N. G., Salikhova E. A. *V mire nauchnykh otkrytii*. 2013. No. 5.1(41). Pp. 134–154.
16. Iskuzhina N. G., Salikhova E. A. *Vestnik VEGU*. 2014. No. 2(70). Pp. 133–138.
17. Salikhova E. A. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 1(62). Pp. 52–56.
18. Salikhova E. A., Iskuzhina N. G. *Vestnik VEGU: Nauchnyi zhurnal*. No. 5(91). Ufa: Vostochnyi universitet, 2017. Pp. 68–77.

Received 17.09.2018.